

НОВЫЙ  
РОМАН  
ЧИНГИЗА  
АБДУЛЛАЕВА

*Любой ад казался бы ему  
раем, если там будет она.  
И поэтому недрогнувшей  
рукой он выстрелил себе в  
сердце, продолжая  
улыбаться от  
переполнявшего его  
счастья.*

# Чингиз Абдуллаев



Власть  
маски

ЭКСМО



**Чингиз Акифович Абдуллаев**  
**Власть маски**  
Серия «Дронго», книга 65

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=177620](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177620)*  
*Власть маски: Эксмо; Москва; 2007*  
*ISBN 978-5-699-21463-1*

**Аннотация**

Это самое сокрушительное поражение эксперта-аналитика Дронго. На вилле популярной кинозвезды Кристин Ландегрен убит ее муж – известный репортер Антонио Моничелли, а спустя короткое время убивают и саму актрису. И Дронго, который был рядом, который знал, что актрисе присылали письма с угрозами, не сумел предотвратить эти преступления. Более того, убийца не сомневался, что знаменитый сыщик сделает все, чтобы не называть его имени. Самое удивительное, что он оказался прав: Дронго, зная истину, тщательно скрывает ее...

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	75

# Чингиз Абдуллаев

## Власть маски

*«И вдруг ее лицо становится великолепным лицом Медузы, которое я когда-то так любил: исполненное ненависти, перекошенное, ядовитое. Анни меняет не выражение, она меняет лицо, как античные актеры меняли маски – в мгновение ока. И каждая из этих масок призвана творить определенную атмосферу, задавать тон тому, что последует. Маска появляется и остается неизменной, покуда Анни говорит. Потом маска спадает, отделяется от Анни».*

*«Тошнота». Жан Поль Сартр*

*Если вы стелете постель, то обязательно должны в нее лечь.*

*Английская поговорка*

## Глава 1

Когда пройдет несколько лет, он будет часто вспоминать именно это дело. Возможно, оно было по-своему уникальным, единственным в своем роде. Возможно, ему никогда не приходилось сталкиваться с таким изощренным преступлением. А может, он просто не хотел признаваться самому себе, что впервые потерпел поражение в деле, в котором, как

он считал, разбирался лучше всех остальных. Или его поражение было запланировано, так как он отчасти предопределил развитие ситуации, в которой оказался в результате расследования этого дела.

В этот осенний день Дронго читал новую биографию Черчилля, изданную в Лондоне. Он недавно заказал себе эту книгу и теперь с интересом узнавал массу прежде неизвестных ему подробностей о жизни выдающегося английского политика. Было около семи часов вечера, когда ему позвонил Эдгар Вейдеманис, его напарник и друг, который помогал ему все последние годы.

– Тебя ищет один очень известный человек, – сообщил Эдгар со своим неистребимым латышским акцентом.

– Надеюсь, что не президент России, – пошутил Дронго, – мне было бы трудно ему отказать.

– Почти такой же известный, – в тон ему ответил Вейдеманис. – Это руководитель российских кинематографистов. Никита Симаков. Самый известный российский режиссер в мире.

– Я хорошо знаю его отца, – ответил Дронго, – и даже старшего брата. Мы несколько раз встречались. Но с Никитой Симаковым не знаком. Хотя все его фильмы, конечно, видел.

– Он хочет тебя увидеть, – сообщил Эдгар. – Уже два раза звонил его помощник. Просят дать твой прямой номер. Либо мобильный, либо городской.

– Если просят, нужно дать. А какое дело у них может быть

ко мне? Я не совсем понимаю...

– Я тоже не понимаю. Но если ты разрешишь, они сейчас перезвонят тебе.

– Валяй, – согласился Дронго. Он убрал книгу и положил трубку, ожидая звонка.

Через минуту действительно раздался звонок. Он снял трубку и услышал характерный знакомый голос известного режиссера.

– Здравствуйте, – сказал Симаков. – Это господин Дронго? Извините, что я вас так называю. Но мне рекомендовали обращаться к вам именно таким образом.

– Да, – ответил Дронго, – добрый день, господин Симаков. Я вас узнал. Ваш голос очень похож на голос вашего отца.

– Знаю, знаю, – немного певуче сказал режиссер, – вы с ним хорошо знакомы. Он мне говорил. Должен сказать, что он очень высокого мнения о ваших способностях.

– Спасибо. Я ценю его доброе отношение...

– И поэтому я, собственно, вам и позвонил. Нам нужно встретиться и переговорить. Когда это можно сделать?

– Когда хотите. Я готов встретиться с вами в любом месте и в любое время.

– В данном случае у меня к вам важное дело, и поэтому вы сами можете выбрать территорию, на которой, так сказать, состоится наша встреча.

– Мне все равно. Но разговор пойдет о деле, которое имеет отношение к моей профессии?

– Безусловно.

– Тогда давайте встретимся на проспекте Мира. Там у нас небольшой офис.

– Я бы не хотел, чтобы нашу встречу как-то зафиксировали посторонние люди. Может, в каком-нибудь ресторане?

– Тогда в «Пушкине» на Тверском бульваре.

– Почему именно «Пушкинь»?

– Я знаю ваши пристрастия. И ваш любимый ресторан.

– Интересно. Вы специально готовились к разговору со мной или действительно знаете?

– Когда в Москве проходит Международный кинофестиваль, об этом обычно пишут все газеты. Вы, как правило, приглашаете туда своих гостей.

– Не читал. Но все равно интересно. Значит, все-таки в «Пушкине»?

– Я боюсь, что ресторан вообще не лучшее место для подобных разговоров. Можно в каком-нибудь закрытом клубе, но вы хотите сохранить конфиденциальность. Тогда лучше у меня дома. Завтра в семь часов вечера. Если вы сможете...

– Конечно, смогу. Обязательно приеду.

– Запишите адрес.

– Не нужно. Я знаю ваш домашний адрес. Я тоже готовился к встрече с вами.

– Тогда до завтра...

– И вот еще что... Одна просьба. Я знаю, что вы обычно принимаете гостей в присутствии своего помощника гос-

подина... такая сложная латышская фамилия... Вейдемани-са...

Очевидно, режиссеру кто-то дал записку с именем Эдгара.

– Да, он мой напарник.

– Понимаю. Такое своеобразное повторение Шерлока Холмса и его соседа по квартире доктора Ватсона. Только у меня к вам большая просьба. Давайте обойдемся завтра без Ватсона. Дело касается не меня лично, а я дал слово, что о нашем разговоре никто не узнает. Вы меня понимаете?

– По-моему, вы узнали обо мне все, что можно было узнать.

– Вы известный частный детектив. Поэтому собрать информацию о вас было нетрудно.

– Хорошо. Я буду завтра вечером один.

– Превосходно. Значит, мы договорились. Завтра вечером я к вам заеду. До свидания.

Дронго положил трубку. Станный звонок. О чем может попросить его известный режиссер. И почему такая непонятная секретность. Он перезвонил Эдгару и коротко пересказал ему разговор со своим предыдущим собеседником.

– Возможно, это имеет отношение к иностранным актерам или партнерам, что-нибудь конфиденциальное, о чем никто не должен знать, – предположил Вейдеманис.

– Он не хочет, чтобы его даже видели вместе со мной, – задумчиво сказал Дронго. – Наверное, кто-то обратился к нему с подобной просьбой.

– Завтра все узнаешь, – рассудительно заметил Эдгар.

На следующий день, в три минуты восьмого, раздался звонок режиссера от подъезда его дома. Дронго уже предупредил сидевших внизу охранников, что к нему приедет гость. В его московском и бакинском домах в подъездах дежурили сотрудники охраны. Он намеренно выбрал дома с охраной, в них можно было чувствовать себя в относительной безопасности. Кроме того, пространство вокруг дома и в гараже просматривалось при помощи видеокамер.

Симаков поднялся к нему через несколько минут. Он был в темной куртке, светлых брюках, сером джемпере. Повесив куртку на вешалку, он прошел в гостиную. Они расположились в глубоких креслах. Дронго подвинул гостью столик с напитками и фруктами.

– Как видите, в квартире никого нет, – улыбнулся Дронго, – и даже мне никто не помогает. Что вы будете пить?

– Ничего. Только минеральную воду. И ради бога, не беспокойтесь. Я не собираюсь долго злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Ничего страшного. Между прочим, в моем кабинете есть фотография, где я снят с вашим отцом.

– Я знаю эту фотографию. У вас ведь такая разница в возрасте. Лет сорок?

– Больше. Почти пятьдесят, – ответил Дронго. – Впечатляет. Умение понимать людей другого поколения относится к числу достоинств?

– Никогда об этом не думал. Значит, у нас с вами тоже разница в возрасте лет двадцать, – сказал Симаков.

– Пятнадцать.

– Неплохо. Совсем неплохо. У вас сейчас самый продуктивный возраст. Время расцвета политиков и бизнесменов.

– Ни тем и ни другим я не собираюсь заниматься в ближайшие лет пятьдесят. Потом посмотрим...

Гость улыбнулся. Открыл бутылку минеральной воды, наполнил стакан. Выпил. Поставил пустой стакан на столик.

– Я пришел к вам по просьбе моей знакомой. Вы понимаете, что, если вы не примете мое предложение, наш разговор должен остаться между нами?

– Конечно.

– В таком случае начнем. Вы слышали когда-нибудь о Кристин Линдегрэн?

– Немного. Знаю, что она довольно популярна в Соединенных Штатах. Актриса. Снималась во многих фильмах. Вот, собственно, и все...

Симаков улыбнулся. Замахал руками.

– Хорошо, что вас не слышат кинокритики. Они бы вас разорвали на кусочки. Кристин Линдегрэн сегодня одна из самых ведущих актрис Америки. Она звезда нескольких телевизионных сериалов. Получает самые высокие гонорары. Последний сериал с ее участием был номинирован на самые престижные премии и обошел даже «Секс в большом городе». Можете себе представить? Имеет кучу разных наград.

Кроме того, она снималась в двух фильмах у Вуди Аллена и была даже номинирована на «Оскар».

– Вы меня убедили. Признаю, что вы лучший эксперт в этой области. Я не сомневаюсь, что все обстоит именно так, как вы говорите.

– К тому же она очень хороший человек. У нее много знакомых в Москве. Она приезжала к нам два года назад. Вместе со своим последним мужем. Очень красивая пара. Он немного моложе нее, но смотрятся они великолепно. Ну вы знаете, сейчас женщина в пятьдесят может выглядеть на тридцать.

– А ей сколько?

– Сорок восемь. Хороший возраст и для женщины. В общем, она позвонила мне несколько дней назад и попросила о помощи...

Симаков посмотрел на минеральную воду. Сделал долгую актерскую паузу. Взял бутылку, снова налил воды и снова выпил. Затем улыбнулся хозяину:

– И она сама назвала мне ваше имя. Прошу прощения, она назвала вас так, как вас все знают. И попросила переговорить с вами.

– Я не совсем понимаю. О чем переговорить?

– Она хочет с вами встретиться. Лично встретиться и переговорить. Ей рекомендовали вас в качестве лучшего частного детектива. Или лучшего эксперта-аналитика. Как вам больше нравится. Насколько я знаю, она слышала о вашем расследовании, которое вы провели в девяносто седьмом го-

ду в Каннах, во время пятидесятого юбилейного фестиваля.

Дронго не изменился в лице. Но он хорошо помнил то, о чем говорил его гость. Во дворце во время церемонии закрытия фестиваля и демонстрации последнего фильма должен был произойти террористический акт. Им тогда с трудом удалось его предотвратить. Дронго помнил, но ничего не ответил.

– Насколько я понял, – продолжал Симаков, – она искала лучшего среди экспертов-аналитиков. И остановила свой выбор на вас.

– Где она находится?

– В данную минуту? В Монреале. Но она будет ждать вас в Лос-Анджелесе. Мы договорились, что я передам вам ее предложение.

– Простите, я не совсем вас понял. Почему нельзя поговорить по телефону. Или посредством Интернета?

– Исключено. Я тоже задал ей этот вопрос. Она хочет увидеть вас лично. Сказала, чтобы вы ни о чем не беспокоились. Она оплатит вам билет первого класса в Лос-Анджелес, заплатит за номер по вашему желанию в любом отеле города. И оплатит все ваши дополнительные расходы. Но ей нужно увидеть вас лично и переговорить с вами по какому-то очень важному вопросу. Насколько я понял, этот вопрос имеет очень конкретное отношение к вашей профессии.

– Понимаю. Но здесь есть небольшая сложность. Я тер-

петь не могу летать самолетами, и тем более так далеко.

– Вы никогда не были в Америке? – удивился режиссер.

– Много раз. И в Северной, и в Южной. Но каждый раз, летя в самолете, испытывал некий дискомфорт.

– Я думаю, что первым классом можно слетать, – сказал Симаков, – тем более что вы можете отказаться от работы. Никто вас не неволит, не заставляет. Ваша задача всего лишь встретиться с ней. Возможно, вы не понравитесь друг другу.

– Лететь через океан и через всю Америку, чтобы понравиться женщине. Мне это довольно сложно... Извините, но я не знаю, зачем мне нужно лететь так далеко. И пока я не совсем понимаю цели...

– Это мы тоже обсуждали, – весело кивнул режиссер, перебивая Дронго, – и она попросила меня передать вам ее следующие условия. Если вы ей подойдете, она заплатит вам гонорар в двести тысяч долларов. Двести тысяч долларов. Эта сумма с одной двойкой и пятью нулями. – Он нарисовал в воздухе двойку и каждый ноль указательным пальцем правой руки и почти победно взглянул на Дронго. Но даже такая сумма не могла произвести должного впечатления на хозяина квартиры. Он усмехнулся:

– Солидная сумма. Но для моего согласия все же недостаточная. Я должен понимать, почему я туда лечу...

– Вы выдвигаете свои условия? – уточнил Симаков.

– Я думаю, что нам можно предварительно поговорить по телефону. А уже потом обоим определяться. Возможно, мы

действительно не понравимся друг другу.

– Разумно. Но у нее свои условия. И я приехал сюда, чтобы передать вам ее послание. Никаких предварительных разговоров. Она хочет лично увидеть вас и решить – подходите ли вы ей для конкретной работы или нет.

– И вы не знаете, о чем идет речь?

– Понятия не имею.

– Я должен подумать.

– Безусловно. – Режиссер взглянул на часы. – Ой, я, кажется, уже опаздываю. Извините, что отнял у вас время. – Он встал с кресла. Дронго тоже поднялся.

Они прошли в холл, гость надел куртку.

– Подумайте, – кивнул он на прощанье, – такой шанс выпадает один раз в жизни. Может, вы действительно не пойдете друг другу. Но все равно слетаете в Америку первым классом, поживете в хорошем отеле, можете снять себе большой пентхаус. Она ведь очень обеспеченный человек. И все это всего лишь за несколько минут разговора с красивой женщиной. Я не понимаю, почему бы вам не согласиться. Вы же ничего не теряете, кроме некоторого неудобства, связанного с полетом. Но в первом классе быстро забываешь об этих проблемах. Подумайте, вот мой вам совет. До свидания. Рад был познакомиться.

Они пожали друг другу руки, и Симаков вышел из квартиры. Дронго закрыл дверь и, повернувшись, пошел в гостиную. Сел в кресло. Эта звезда сериалов хочет вызвать к себе

частного детектива и переговорить с ним. При этом она использует свои старые связи и звонит известному режиссеру, попросив его о посредничестве. Но при этом не хочет лично разговаривать с детективом по телефону, а все самое важное собирается сказать при встрече. Как интересно... Почему такая секретность? Что именно она хочет сказать?

Дронго задумчиво придвинул к себе телефонный аппарат. Поднял трубку и набрал знакомый номер в Париже. Это был номер телефона бывшего комиссара полиции Дезире Брюлея, с которым они были много лет знакомы. Он услышал глухой голос комиссара.

– Я вас слушаю, – сказал Брюлей.

– Бон суар, мсье Брюлей, – начал Дронго, – извините, что снова заставляю вас говорить по-английски. Как вы знаете, мой французский не выдерживает никакой критики.

– Добрый вечер, – обрадовался Брюлей, – я рад твоему звонку. Что-нибудь произошло? Ты ведь не звонишь к нам просто так.

– Не хочу вас беспокоить. Я хочу уточнить один вопрос. К вам не обращались с просьбой – прилететь в Лос-Анджелес для встречи с известной актрисой?

– Нет. Я слишком стар для подобных перелетов. Мне никто не звонил. Но я могу тебе сообщить, что звонили нашему другу в Лондон. И просили приехать на встречу в Лос-Анджелес.

– К мистеру Доулу?

Мишель Доул был одним из самых известных и великих аналитиков двадцатого века. Как и комиссар Брюлей, он считался живой легендой криминалистики.

– Он согласился?

– Нет. Он в последнее время себя плохо чувствует. И сказал, что подобные перелеты сейчас не для него. Насколько я знаю, его очень настоятельно приглашали в Лос-Анджелес. Звонили от имени какой-то актрисы. И даже предлагали невероятные суммы денег. Но нашего друга трудно убедить совершить такой перелет, если он не хочет покидать Лондона. А он не любит покидать свой город.

– Ясно.

– Я понял, что позвонили и тебе. Правильно?

– Конечно.

– Легко догадаться. В мире осталось не так много известных криминалистов. Один толстый американец уже много лет не покидает своего дома в США и мы четверо в Европе. Но трое из нас уже в солидном возрасте. Я, Доул и Фредерик Миллер, который сейчас отдыхает в Турции. Остаешься только ты. Самый молодой среди нас. Значит, должны были выйти именно на тебя.

– Что мне делать?

– Я думаю, что можно слетать. Если с такой настойчивостью ищут опытного аналитика, то, значит, дело интересное. А кому, как не тебе, заниматься расследованием подобного дела.

– Я вас понял. Спасибо за совет. Передайте мой привет вашей супруге.

– Обязательно. А ты позвони Джил и скажи, что мы ждем вас в Париже. До свиданья.

Дронго положил трубку. Как странно. У Миллера и Доула нет семей. Они закоренелые холостяки. У комиссара Брюлея есть жена, но нет детей. Похоже, каждый из его коллег понимает, как сложно заводить семью при их опасной профессии. Ведь семья может оказаться заложником их профессиональной деятельности. И только у Дронго есть семья, которая не живет вместе с ним и находится далеко в Италии, куда он часто ездит к Джил и детям. Хорошо еще, что Джил терпит подобную жизнь. Он откинул голову. Закрыв глаза. Кристин Линдегрэн. Нужно поискать в Интернете все, что о ней там есть. А уже потом перезвонить Никите Симакову и дать согласие на эту поездку.

## Глава 2

Он сознательно выбирал такой маршрут, чтобы не лететь прямым рейсом из Москвы в Лос-Анджелес. Находиться в самолете в течение стольких часов было довольно сложно. Может, поэтому он выбирал маршрут через Франкфурт и Нью-Йорк, с пересадками в этих городах. Он еще помнил советские времена, когда в Нью-Йорк приходилось летать из Москвы с двумя посадками – в ирландском Шэнноне и канадском Ньюфаундленде, а сам перелет занимал почти двенадцать часов. Сидеть в самолете в течение многих часов было весьма утомительно, учитывая, что он так и не научился спать в самолетах.

Из Франкфурта в Нью-Йорк летел огромный «Боинг-747», в котором были удобные кресла первого класса, расположенные на верхнем этаже лайнера. В просторном салоне первого класса, кроме него, летели трое каких-то японских бизнесменов, которые сразу уснули, едва самолет поднялся в воздух. Дронго с завистью взглянул на своих попутчиков. Похоже, бизнесменов не очень волновал перелет через океан. Предупредив стюардессу, что они не будут обедать и ужинать, трое пассажиров развернули свои большие кресла, больше похожие на небольшие лодки, и уснули, накрывшись одеялами. Полет из Франкфурта до Нью-Йорка занимал около восьми с половиной часов.

Два дня назад он нашел фотографии Кристин Линдегрен в Интернете. В молодости она была блондинкой, затем перекрасилась, став брюнеткой. После сорока ее волосы приобрели каштановый оттенок. В общем, она любила экспериментировать. Ее первый супруг был руководителем крупной финансовой корпорации. С ним она развелась больше двадцати лет назад, прожив только четыре года. От него она имела своего единственного сына, которому шел уже двадцать пятый год. Второй супруг был актером. С ним она прожила шесть лет. Он был не очень известным актером, но так и не сумел смириться со славой своей супруги, которая явно выходила на первые роли в их тандеме. Эта чисто актерская ревность начала сказываться на их отношениях, и супруги развелись. Третьим мужем Кристин примерно два года назад стал известный итальянский ресторатор и владелец целой сети итальянских ресторанов Антонио Моничелли. Он был младше своей супруги на четыре года.

Фотографии с их свадьбы появились во всех популярных журналах Европы и Америки. Она еще сохраняла былую красоту, он был просто великолепен. Настоящий итальянец – высокий, загорелый, черные вьющиеся волосы, немного удлиненное лицо, ровный нос, зеленые глаза. Портрет идеального любовника. Она, несмотря на свой возраст, выглядела превосходно. Густые каштановые волосы, светлые голубые глаза, несколько резкие черты лица, не портившие ее, а придававшие некоторый шарм. Тонкие губы, красивые зу-

бы, немного вздернутый носик. Пропорции ее тела вызывали восторг даже у молодых девушек. Хорошо развитая грудь, подчеркнутая талия, за которой она ревностно следила, и округлые бедра. И хотя ее красота была далека от идеальных девяносто – шестьдесят – девяносто, но в ее возрасте иметь сто пять – семьдесят – девяносто пять было почти идеальным примером красоты тела зрелой женщины.

Дронго просмотрел больше трехсот ее фотографий. У нее были не просто красивые, но и умные глаза, чем не могли похвастаться большинство ее подруг в Голливуде. Он обратил внимание на одежду Кристин. Она предпочитала классические модели от Шанель и Кристиана Диора, тогда как большинство ее коллег по актерскому цеху выбирали более экзотические и менее классические наряды. Может, потому, что среди ее предков было много аристократов, а ее прадед был даже герцогом и министром при дворе шведского короля Оскара Второго в начале прошлого века. Ее врожденный аристократизм и природное чувство меры отмечали почти все кинокритики, комментируя роли в ее исполнении.

Ее отец был высокопоставленным служащим при Густаве Шестом, когда в пятьдесят восьмом году у них с женой родилась старшая дочь – Кристин. Ее сестра появилась на свет через три года, и ее назвали Агнессой. В шестьдесят шестом их отец получил назначение в посольство Швеции в Канаде, затем в США, после чего работал в секретариате Организации Объединенных Наций. Девочки учились в американ-

ских школах, и для обеих английский стал таким же родным, как и шведский. Кристин рано дебютировала в кино, уже в восемнадцатилетнем возрасте. Старательно училась в Нью-Йорке и в Лондоне, несмотря на свои явные успехи в кино. Работала в театре, снималась в сериалах. Ее жизненный путь был чередой непрерывных успехов и удач.

Он внимательно изучал все ее фотографии и обратил внимание, что на последних снимках она выглядит несколько более задумчивой, чем обычно, а в последние месяцы даже немного растерянной. Дронго заинтересовал подобный феномен, и он просмотрел все статьи на сайте Кристин, посвященные ее последним работам. Критики почти единодушно отмечали ее превосходную игру, но вполне возможно, что на ее сайте размещались только положительные рецензии. Хотя особо отрицательных он так и не нашел. Он перезвонил Симакову и подтвердил свое согласие на поездку. В течение одного дня ему переслали чек на двадцать тысяч долларов для покупки билетов и бронирования места в отеле. Подобная щедрость и скорость его несколько озадачили. Западные звезды, среди которых встречались и мультимиллионеры и очень обеспеченные люди, умели считать деньги и не тратили по пустякам даже несколько лишних долларов. Этим вообще отличались почти все западные звезды, оговаривающие в своих контрактах даже минеральную воду, стрижку для своих собак или бесплатную стирку белья.

Но Дронго был не просто экспертом. Он был еще и во-

сточным человеком, выросшим в традициях, несколько отличных от традиций рационального Запада. Принять деньги от незнакомой женщины, потратив их на билет и отель, для него было невозможно по определению. Именно поэтому он сохранил чек и приобрел билеты за свой счет, заказав себе номер в одном из отелей Лос-Анджелеса. Вилла Кристин Линдегрен находилась в Санта-Монике, и именно поэтому он заказал для себя номер в отеле «Кал Мар». Это небольшая гостиница больше походила на семейный пансион, во внутреннем дворике которого находился бассейн, окруженный садом. На двух этажах находились номера, в которых, кроме гостиной и спальни комнат, были еще и небольшие кухни.

В Нью-Йорке пришлось пройти строгий иммиграционный контроль и даже сдать отпечатки пальцев. Он не считал подобную процедуру унижительной, понимая, насколько озабочены американцы проблемами безопасности своей страны. Но прибывшие с ним гости из различных стран громко выражали свое возмущение. Граждан Германии и самих американцев пропускали в страну без этой процедуры, что еще более усиливало общее негодование.

В аэропорту он прождал около трех часов, пока наконец объявили посадку на его рейс в Лос-Анджелес. На этот раз салон первого класса был переполнен. И многие из летевших на Западное побережье были даже знакомы друг с другом, судя по тем веселым репликам, которыми они перекидыва-

лись друг с другом.

«Такая огромная страна, – подумал Дронго, – и все же так много знакомых».

На самом деле все пассажиры первого класса принадлежат к определенной социальной группе людей, которая не может быть очень большой. Может, поэтому они знают друг друга. И даже более того. В мире проживает больше пяти миллиардов людей, а настоящих пассажиров «первого класса», которых знают в лицо и которые принадлежат к определенной группе людей, совсем не много. Тысяч пятьдесят. Или шестьдесят. Это постоянная тусовка очень богатых людей. И еще тысяч триста просто богатых бездельников, ошивающихся вокруг них. В первую категорию входят известные бизнесмены, актеры, спортсмены, члены королевских семей, за передвижениями которых следят тысячи журналистов. Во второй – известные художники, модельеры, режиссеры, политические деятели – бывшие и настоящие, члены их семей, знаменитые плейбои и топ-модели. В этих группах почти все знают друг друга. Эта особая каста невероятно богатых людей, умеющих прожигать жизнь и получать от этого удовольствие.

В американских самолетах, как и в лайнерах других компаний, категорически запрещали курить, и это было самым приятным во время полета. Никогда не куривший Дронго с трудом переносил сигаретный дым, переполнявший салоны самолетов.

Самолет приземлился в Лос-Анджелесе в пять часов вечера. На внутренних рейсах не бывает иммиграционного и таможенного контролей. Именно поэтому он довольно быстро получил свой чемодан и, взяв такси, поехал в отель, где был забронирован номер. Прежде чем принять душ, он перезвонил по номеру телефона, который ему дал в Москве Никита Симаков. Привычно ответил автоответчик. Дронго назвал адрес своего отеля, номер телефона и сообщил, что он уже прилетел. Затем положил трубку и отправился в душ.

На часах было около десяти часов вечера, когда он, переодевшись, решил выйти из отеля, чтобы поужинать. Он сдал ключи сидевшему у выхода портье и поинтересовался, где можно поужинать.

– Идите к побережью, – посоветовал портье, пожилой мужчина лет шестидесяти, – но пешком лучше не ходить. В такое время суток здесь никто не ходит. Вы можете заказать ужин себе в номер.

– Я хочу немного прогуляться, – ответил Дронго. – А далеко идти до побережья?

– Не очень. Минут десять. Но если хотите, я дам вам машину...

– Нет, – улыбнулся Дронго, – не нужно.

Он хорошо знал, что в этом городе почти никто не ходит пешком. Но рестораны находились совсем недалеко, это он помнил по предыдущим визитам в город ангелов. Отсюда нужно пройти три или четыре улицы. Свои документы и

кредитные карточки он оставил в отеле. С собой у него было не больше ста пятидесяти долларов, находившихся в двух карманах пиджака. В конце концов, просто так не убивают даже в Лос-Анджелесе, если он готов расстаться с этой суммой. Он помнил этот город летом девяносто второго года, когда здесь прошла волна негритянских погромов. Тогда в некоторые кварталы белые даже боялись заходить.

Дронго вышел из отеля и пошел к побережью. Едва он отошел от отеля, как почувствовал некоторое движение за своей спиной. Он обернулся. Кажется, темно-синий «Шевроле» тронулся с места. Неужели за ним следят? И кому он нужен в этом городе?

Он дошел до конца улицы и свернул налево. Осторожно оглянулся. «Шевроле» медленно ехал за ним. Теперь никаких сомнений не было. Этот автомобиль преследовал именно его. Кажется, он еще пожалеет, что не взял машину у портье. Если его хотят ограбить, то здесь самое удобное место. Довольно темно, и вокруг никого нет. Он продолжал спокойно идти. «Шевроле» остановился на углу, возможно, грабители решали, что им делать с этим типом. Обычно на него боялись нападать уличные грабители, безошибочно угадывая в нем некоего представителя закона. Да и его внешние пропорции вызывали некоторые опасения. При росте в метр восемьдесят семь он имел широкие плечи, большие крепкие руки и весил около девяноста пяти килограммов. Не каждый грабитель рискнул бы остановить подобного типа даже но-

чью.

Он усмехнулся. Однажды в Америке он дрался с великим Миурой, сумев продержаться несколько секунд. Конечно, у него не было никаких шансов, но ему было приятно, что он сумел выстоять даже эти секунды. Как давно это было. Иногда кажется, что это было в прошлой жизни, когда еще существовал Советский Союз и была совсем другая система координат.

Он оглянулся. «Шевроле» мягко тронулся с места. Неужели они принимают его за обычного праздного туриста, ищущего развлечений в ночном Лос-Анджелесе? Не нужно считать их дураками. Они тоже не понимают, что происходит. Этот неизвестный гость вышел ночью один из отеля и спокойно идет к побережью. Возможно, он полицейский и вся эта затея – обычная полицейская подстава, когда таким нехитрым образом ловят незадачливых грабителей.

Дронго перешел улицу. Он увидел, как «Шевроле» набирает скорость, и даже замедлил шаг. Пусть они видят, что он их не боится. Машина поравнялась с ним. Кажется, теперь начнется самое интересное. Но почему они следили за ним, дежуря у отеля, ведь их могли зафиксировать камеры «Кал Мара»? Он остановился и заглянул в салон машины. И улыбнулся. Всегда приятно, когда твои страхи оказываются ложными. В машине сидела афроамериканка лет тридцати. Она широко улыбнулась Дронго. Судя по ее внешнему виду, она занималась вполне определенной профессией.

– Мистер не хочет развлечься? – поинтересовалась женщина.

Как глупо, несколько смущенно подумал Дронго. Кто еще может дежурить у отеля в ночное время. Конечно, проститутка. А он решил, что это грабители.

– Спасибо. – Он чуть наклонился. В салоне автомобиля больше никого не было. Очевидно, увидев одинокого мужчину, вышедшего из отеля, она решила, что это почти идеальный клиент.

– У тебя нет денег? – улыбнулась она. – Я могу предоставить тебе скидку.

– Есть, но не так много, – ответил Дронго. – Просто я сегодня не в форме.

– Залезай в машину, – предложила женщина, – я думаю, что мы сумеем договориться. Я многое умею...

– Не сомневаюсь. – Дронго развел руками. – Давай в следующий раз. Так будет лучше...

– У меня сегодня день рождения, – заявила женщина, – поэтому сегодня я обслуживаю бесплатно. Делаю себе подарки, выбирая мужчин. Ты мне подходишь. Садись в машину...

Последние фразы его насторожили. Она любым способом хочет заманить его в свой автомобиль. Он еще раз взглянул в салон. Там никого не было. Но почему она так настойчива? Проститутка-романтик, делающая клиентам такие подарки. Или себе? Нет, в Америке не бывает ни романтиков, ни аль-

тристов, даже среди проституток.

– Я не хочу, – сказал Дронго. – Извини, что не оправдал твои надежды.

Он двинулся дальше. Машина медленно поехала за ним.

– Ты мужчина или нет? – гневно спросила женщина. – Если тебе нужно что-то другое, я могу организовать. У меня есть хороший знакомый. Он – гей. А может, тебя интересует группа девочек? Это я тоже могу организовать.

Кажется, она решила заманить его в свою машину любым способом. Дронго усмехнулся. Чем больше она нервничает, тем очевиднее, что в ее машину он не сядет. Хотя женщина красивая. Лет десять назад они видели похожую красотку в бразильском ресторане «Коко-Локо» в Вашингтоне. Они тогда обедали со своим школьным товарищем Иршадом Касириным. Иршад был дипломатом. В ресторане они познакомились с афроамериканкой, которая вызывала восхищение у всех посетителей своей грацией и формами. Но дипломат был непреклонен. Она явно заигрывала с Иршадом. Он испугался слишком настойчивой особы, которую ждали две подружки на улице. Тогда они мягко отказали женщине. Через несколько лет Касиринов признался, что они поступили довольно глупо.

– Я собираюсь поужинать, – сказал ей Дронго, – и я очень устал. Поэтому сегодня мы не сможем встретиться. Как-нибудь в другой раз.

– Тогда возьми мой телефон, – предложила она, доставая

карточку, – может, завтра позвонишь. Мне нравятся белые мужчины. Такие, как ты. Ты итальянец?

– Нет. Но это неважно. – Он осторожно наклонился и взял ее карточку. Немного смешное имя – Матильда. Такое было у кошки фрекен Бок в известном мультфильме про Карлсона, который жил на крыше.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она.

– Красивое имя. – Он сумел подавить улыбку.

– Позвони мне. И не ходи один ночью по городу. Это опасно, – посоветовала она на прощанье. – Хотя ты, наверное, ничего не боишься. Ты ведь полицейский. Я правильно определила?

– Абсолютно. Спасибо за карточку.

– А может, я подвезу тебя до ресторана? Здесь недалеко. Зачем тебе идти пешком? Садись в машину, я тебя подвезу...

– Я люблю ходить пешком.

– Ладно. Я все поняла. Похоже, сегодня не мой день. До свиданья.

Она наконец отъехала. Он еще раз взглянул на карточку. Интересно, зачем она дежурила у отеля и так настойчиво пыталась усадить его в машину. Нужно будет показать карточку портюе в отеле, он должен знать всех проституток, которые работают рядом с их отелем. Дронго прибавил шаг. На соседней улице находились рестораны. Оттуда уже доносились шум музыки и голоса. Он оглянулся. Больше никого на

улице не было. Похоже, что его наконец оставили в покое.

В отель он вернулся на такси, попросив официанта заказать ему машину. Когда он забирал ключи, знакомый портье взглянул на него.

– Нашли ресторан?

– Конечно. – Дронго достал карточку. – Вы не знаете такую особу? Она дала мне вот это.

Портье взял карточку, прочитал имя, номера телефона, нахмурился и вернул карточку гостю.

– Не знаю, – покачал он головой, – вы, наверное, встретили ее в ресторане?

– Нет. Она дежурила у вашего отеля. В своем «Шевроле».

– Странно, – сказал портье, – обычно здесь никого не бывает. У нас отель семейного типа, сюда приезжают в основном с семьями, и проститутки тут не дежурят. Для этого есть отели в Беверли-Хиллз.

– И синий «Шевроле» никогда не паркуется рядом с вашим отелем?

Дронго назвал номер машины.

– Никогда, – ответил портье, – у нас никогда не было ни этой машины, ни этой женщины.

– Спасибо. – Дронго забрал карточку и поднялся к себе. Положив карточку на стол, он еще раз взглянул на имя и номер телефона. Вполне возможно, что это просто случайность. А возможно, все-таки его ждали. И хотели усадить в эту машину любым способом. Вот только нужно понять – с

какой целью. С этой мыслью он и заснул.

## Глава 3

Утром он проснулся раньше обычного. Сказывалась разница во времени. Обычно люди, прилетавшие в Соединенные Штаты, просыпались рано утром, в пять или шесть часов, и уже не могли заснуть. Он проснулся в шесть часов утра и принял душ. После завтрака он еще успел немного прогуляться до пляжа. При дневном свете все выглядело иначе – гораздо ближе и удобнее.

Дронго вернулся в свой номер к девяти часам утра. Примерно в десять раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, – услышал он незнакомый мужской голос, – с вами говорит Даниэль Барнард, я личный секретарь миссис Линдегрэн. Я могу обращаться к вам – мистер Дронго?

– Да, именно так меня обычно называют. – Судя по голосу, секретарь был не очень молодым человеком.

– Как вы устроились? – поинтересовался Барнард.

– Прекрасно. У меня все нормально.

– В таком случае мы пришлем за вами машину. Ровно через сорок минут она будет у вашего отеля. Черный лимузин. Водитель предупрежден. Миссис Линдегрэн примет вас ровно в одиннадцать тридцать. У вас есть какие-нибудь пожелания или просьбы?

– Нет. Спасибо.

– До свидания.

Дронго положил трубку и впервые подумал, что поступил правильно, взяв с собой чемодан с одеждой. Среди неизменных вещей, которые он обычно брал с собой, были запасные комплекты нижнего белья, свежие рубашки, галстуки, носовые платки, два или три костюма, обязательно электрический чайник и большая кружка. Кофе он почти никогда не пил, а без хорошего чая не мог работать по ночам. Неизменный ноутбук он носил с собой. При этом ноутбук, в котором была записана вся нужная ему информация, он оставлял дома и никогда не подключал к Интернету во избежание попадания в него какого-либо вируса. А другой ноутбук, подключенный к Интернету, всегда был с ним.

Он выбрал серый костюм и тщательно подобрал галстук с платком для светло-голубой рубашки. Раньше он любил носить костюмы от Валентино и Сен-Лорана. Но в последние годы качество костюмов великого французского модельера несколько ухудшилось. После того как он продал свою марку, в продаже начали появляться непонятные рубашки со скошенными рукавами и не очень качественные костюмы. Именно поэтому Дронго перешел на модельную линию «Бриони» и даже заказал себе несколько неплохих костюмов от немецкой фирмы «Босс».

Застегивая запонки, он подумал, что вот уже много лет он не меняет обувь и ремни. Качество «Балли» оставалось неизменным на протяжении полутора десятков лет. Это не

было пиаром или скрытой рекламой, он действительно любил и носил обувь этой фирмы, предпочитая ее всем остальным. Так же как и парфюм «Фаренгейт», выбранный им много лет назад. С тех пор появилось много очень неплохих парфюмов, среди которых отличались ароматы от «Гермеса» и «Армани». Но «Фаренгейт» оставался с ним как первая любовь.

Он был готов к встрече с актрисой уже через тридцать минут. Спустившись, он вышел на улицу. Несмотря на поздний октябрь, было не меньше двадцати восьми градусов. «Идеальная погода», – подумал Дронго. Он легко переносил жару даже в сорок градусов, столь привычную для Баку, и не любил холода, когда температура опускалась ниже нуля хотя бы на несколько градусов. Во время зимних холодов в Москве он обычно уезжал в Баку или в Рим. Сильные морозы действовали на него угнетающе. Отсутствие солнца было почти невыносимо. Он с трудом представлял себе жизнь где-то на севере, где в течение полугода царила арктическая ночь.

Лимузин подъехал на несколько минут раньше назначенного. Из салона вышел пожилой афроамериканец, он снял фуражку и открыл дверь. Дронго кивнул ему в знак приветствия и уселся на заднее сиденье. Машина мягко тронулась. Внутри салона был бар с шампанским, прохладительными напитками, коньяком. В углу салона был небольшой телевизор. И самое главное – можно было вытянуть ноги, что он с удовольствием и сделал.

Почему негров нужно называть афроамериканцами? – в который раз подумал он. Это в английском языке слово «ниггер» означало уничижительное отношение к темнокожим рабам, а в русском это было всего лишь обозначение принадлежности к негроидной расе. Но политкорректность сделала свое дело. Почему слово «афроамериканец» не обижает коренных американцев, предки которых жили в этой стране не одно поколение? Похоже, что сами американцы с трудом разбирались в подобных лингвистических изысках.

Они ехали довольно долго, минут пятнадцать. Наконец машина замерла у ворот, которые начали автоматически открываться. Лимузин въехал на дорожку и через минуту затормозил у красивого двухэтажного дома в стиле ампира. Дронго дождался, пока водитель выйдет из машины и откроет ему дверь. Он понимал, что с этой минуты за ним будут следить, и поэтому не суетился. Выйдя из салона автомобиля, он сразу увидел две камеры, установленные на фасаде здания и фиксирующие всех прибывающих гостей.

У входа в дом его ждал мужчина лет шестидесяти пяти. Среднего роста, седой, с глубокими морщинами, прорезавшими его лицо, внимательными серыми глазами и волевым подбородком, не характерным для личных секретарей. Он был одет в темно-синий костюм с белой сорочкой и строгим серо-синим галстуком. Очки в модной оправе дополняли его образ. Увидев гостя, он протянул ему руку и улыбнулся обычной дежурной улыбкой американских продюсеров.

– Добрый день, мистер Дронго. Я секретарь миссис Кристин Линдегрэн – Даниэль Барнард. Мы вас ждали. Как вы доехали?

– Здравствуйте. Прекрасно добрался. Кажется, в этом лимузине можно даже немного пожить, – пошутил Дронго, входя в дом.

На первом этаже находился роскошный холл, в котором стояли диваны и кресла светлых тонов, на окнах – декорированные им в тон занавески, и повсюду были расставлены живые цветы. Барнард пригласил гостя садиться, осведомившись, что будет пить Дронго.

– Минеральную воду без газа, – попросил гость. Для алкоголя было слишком рано, к тому же он не любил злоупотреблять подобными напитками.

Барнард взглянул на девушку, стоявшую в дверях, и через несколько секунд им уже принесли французскую минеральную воду «Виттель» в стеклянных бутылках. Девушка разлила воду в высокие стаканы и быстро ушла. Барнард взял один из стаканов, пригубил его.

– Миссис Линдегрэн будет через четыре минуты, – любезно сообщил он, – она всегда появляется в точно назначенное время. И никогда не опаздывает.

– Похвальное качество, – пробормотал Дронго. – Вы давно работаете с ней?

– Почти двадцать лет, – гордо ответил Барнард. – Мы начинали вместе еще в восемьдесят шестом.

– Солидный срок, – кивнул Дронго. – Очевидно, вы знаете все слабые и сильные стороны миссис Линдегрэн.

– Я не думаю, что она позволяет посторонним видеть ее слабые стороны, – строго заметил Барнард. – Что касается наших отношений, то они строятся на абсолютном доверии и уважении друг к другу.

– Не сомневаюсь, – снова кивнул Дронго. – Но все же для чего меня пригласили?

– Об этом вам сообщит сама миссис Линдегрэн.

– Как мне ее называть? В мире кино ее знают как миссис Линдегрэн, но фамилия ее мужа – синьор Моничелли, если я не ошибаюсь?

– Она не меняла свою фамилию, – сказал, чуть повысив голос, Барнард. Не сильно. Только на полтона. Но для такого выдержанного человека это равнялось почти крику.

– В таком случае...

– Просто Кристин. По возрасту вы почти ровестники. Ведь вы родились в апреле пятьдесят девятого?

– У вас верная информация. Не удивлюсь, если вы сообщите мне, какими болезнями я переболел в детстве.

Барнард улыбнулся. Реплика гостя ему понравилась.

– Возраст актрисы обычно скрывают, – сообщил он, – и никогда не говорят о нем, но Кристин ничего не скрывает. Она выглядит гораздо моложе своего возраста. Она родилась в ноябре пятьдесят восьмого. Это информация есть и на ее сайтах.

– Я ознакомился с ее биографией, – сообщил Дронго, – там указано, что она знает шесть языков. Английский и шведский – понятно. А какие еще?

– Французский, немецкий, голландский, итальянский. Она очень способная женщина. Во французском фильме она говорила по-французски. А немцы считают, что она говорит на их языке практически безупречно.

Очевидно, секретарю нравилось говорить о своей хозяйке в таком восторженном тоне. Послышались быстрые шаги. Мужчины встали. В холл вошла Кристин Линдегрен. В жизни она оказалась немного старше, чем на своих тонированных фотографиях. Более резкие черты лица, более внимательные глаза. Подвижная, энергичная, живая, элегантная женщина в светло-розовом брючном костюме. Дронго сразу определил по цвету и покрою, что это костюм от Шанель. Ее волосы были красиво уложены. Подойдя к гостю, она энергично пожала ему руку. Почувствовала аромат его парфюма, мгновенно оценила безупречный покрой костюма, подобранный в тон галстук, даже вычищенную обувь. Села на диван, приглашая садиться мужчин. И сделала отрицательный жест рукой появившейся горничной, давая понять, что ничего не хочет пить.

– Мистер Дронго прилетел в Лос-Анджелес по нашему приглашению, – официальным тоном провозгласил Барнард.

– Очень приятно.

«У нее действительно красивые глаза, – подумал Дрон-

го. – Наверно, в молодости были вообще ярко-синими. Почему в молодости? Ей только сорок восемь. Какая глупость так думать о людях в этом возрасте».

– Извините, что позвала вас сюда столь необычным способом, – сразу начала Кристин Линдегрэн, – я не всегда доверяю телефонам или Интернету. Очень трудно определить, кто именно перед вами. Нужно видеть человека и лично с ним разговаривать, чтобы составить о нем верное представление. Разве вам не сказали, что я готова оплатить номер в любом отеле города? Почему вы выбрали именно «Кал Мар»?

– Мне так удобно, – ответил Дронго, – это близко к побережью. И я однажды там жил.

– Если вам нравится, то это ваш выбор, – согласно кивнула она. – Спасибо, что вы прилетели. Не скрою, что я пыталась найти лучшего эксперта в этой области. Мне сообщили, что в мире осталось только несколько человек, равных вашему таланту. Но американец Николас Вольф, которого я хотела пригласить, не любит выходить из дома, и тем более куда-либо отправляться. Оставались четверо, которые живут в Европе. Мистер Доул мне отказал, к тому же я узнала, что он в довольно преклонном возрасте. Вы самый молодой из этой четверки. И говорят, что самый перспективный. Кроме того, у меня есть особые причины вызвать специалиста из бывшего Советского Союза. Если все будет нормально, я потом объясню вам причины своего решения. Поэтому я позвони-

ла нашему хорошему другу режиссеру Никите Симакову и попросила его о помощи. Чтобы не утруждать вас ненужными расходами, я отправила чек.

– Я так и подумал, – кивнул Дронго, – и понял, что вы решили выбрать себе нужного эксперта только после личного собеседования. Очевидно, таким образом вы определяете профессиональную пригодность вызванного вами специалиста.

Барнард заерзал в своем кресле. Ему не очень понравилась подобная наглость гостя.

– Да, – согласилась она, – именно так. Я должна принять решение только после того, как лично переговорю с вами.

Она взглянула на своего секретаря. Тот понял ее взгляд и медленно поднялся.

– Я буду ждать вас наверху, в кабинете, – сообщил он. – До свидания, мистер Дронго.

Барнард быстро вышел. Она проводила его долгим взглядом. Затем взглянула на Дронго.

– Мне сообщили, что вы уже много лет работаете частным экспертом, – сказала Кристин. – У вас было много неудач? Или они исключены в вашей деятельности?

– Не исключены. Неудачи случались, – честно признался Дронго, – но я каждый раз анализировал причины, приведшие к ним, чтобы понять, почему и каким образом произошел досадный сбой. У меня есть недостатки, и я не лишен некоторых комплексов, возможно, поэтому и случались

неудачи. Но их было неизмеримо меньше, чем удач.

– Об этом я слышала. Мистер Дронго, я хочу предложить вам необычную работу. Надеюсь, господин Симаков рассказал вам, что в качестве гонорара я готова заплатить двести тысяч долларов.

– Это не очень хорошая американская черта – начинать все с денег, – пробормотал Дронго.

– У нас так принято, – возразила она.

– И тем не менее вы пока не сообщили, зачем вы меня пригласили.

– Я думала, что вы догадаетесь. Именно в качестве профессионального эксперта. Дело в том, что в последнее время мне начали угрожать. Я получила два письма с угрозами в свой адрес. Согласитесь, что это неприятно.

– Вы обращались в полицию?

– Нет. Конечно, нет. Я не могу делать из своей личной жизни такое эксцентричное шоу. Папарацци и так дежурят вокруг моей виллы и днем и ночью.

– Письма у вас сохранились?

– Нет. Я их уничтожила. Но угрозы были вполне конкретными.

– И вы хотите пригласить меня в качестве вашего личного телохранителя? Боюсь, что для подобной роли я не подойду. Хотя с удовольствием бы охранял такое красивое тело, как ваше.

Она усмехнулась. Одобрительно кивнула:

– Вы умеете говорить комплименты женщинам.

– Я умею восторгаться женской красотой. Вам разве не говорили, что вы красивая женщина? Или вы узнали об этом только от меня?

– Иногда говорили. – Она с нарастающим интересом смотрела на Дронго. – Но думаю, что вы меня совсем не поняли. Мне не нужен телохранитель, у меня он есть. Мне нужен эксперт по вопросам безопасности, который сумеет обеспечить безопасность моей семьи во время нашего отпуска на Барбадосе, куда мы отправляемся через несколько дней. Вот, собственно, и вся моя просьба. Мы пробудем там две недели. И вам придется прожить этот срок рядом с нами, на вилле, которую я приобрела еще семь лет назад.

– Почему вы полагаете, что угроза наиболее реальна именно на Барбадосе?

– Оба письма были отправлены оттуда. На них был почтовый штемпель. Я не знаю, кто и зачем это сделал. Но я не хочу рисковать. Мне нужен квалифицированный эксперт. Если все пройдет благополучно, вы получите свои деньги и вернетесь к себе. А я продам свою виллу на Барбадосе и уеду куда-нибудь на Лазурный Берег во Францию или в Коста-дель-Луз в Испанию.

– Не слишком ли большая сумма за вашу охрану в течение двух недель?

– Нет. Я там буду не одна. Мы переезжаем всей семьей. Мой муж, сын, младшая сестра, ее друг, мистер Барнард, еще

несколько человек.

– Мне нужно охранять только вас или всех находящихся на вилле?

– Вам нужно продумать систему безопасности, которая исключала бы любые эксцессы в отношении кого-либо из моих близких.

– Ваш телохранитель поедет с вами?

– У меня двое телохранителей. Но они не полетят со мной. На вилле есть еще шесть охранников. Я полагаю, что вместе с вами этого будет достаточно.

– Почему вы так уверены, что вам грозит опасность именно там?

– Не знаю. Возможно, предчувствие.

– Но если у вас есть такое предчувствие, то, возможно, стоит вообще отменить вашу поездку на Барбадос?

– Это невозможно. Я должна быть там на съемках документального фильма, посвященного защите живой природы. Контракт уже подписан, и отменить его нельзя. Не говоря уже о том, что это вызовет всяческие кривотолки и слухи.

– Фильм можно снимать в любом другом месте, – возразил Дронго, – это не так принципиально. По-моему, легче поменять место съемок и вообще не появляться на Барбадосе, если у вас есть такое предчувствие. Так будет проще и дешевле.

Она с некоторым сожалением взглянула на Дронго. Нахмурилась. Затем резко дернула головой.

– В таком случае извините, что я вас побеспокоила, – отрывисто сказала Кристин с явным неудовольствием, – будем считать, что вы просто покатались за мой счет. Туда и обратно. – Она встала, давая понять, что разговор окончен.

Он поднялся следом.

– До свидания, – кивнула она, уже готовая попрощаться с экспертом, который никак не хотел ее понимать.

– Только заберите свой чек. – Дронго достал из внутреннего кармана пиджака чек и положил его на столик. – Я собирался вернуть его вам при нашей встрече.

Она посмотрела на чек. Потом взглянула на Дронго. Прикусила губу.

– Заберите свой чек, – предложил Дронго, – я не беру деньги за несделанную работу.

Она протянула руку, взяла чек. Взглянула на сумму. Разумеется, она понимала, что чек невозможно использовать по частям. Но подобное поведение эксперта было настолько неожиданным, что она впервые за время разговора несколько растерялась.

– Вы всегда так деликатны в подобных вопросах? – поинтересовалась наконец Кристин, снова взглянув на него.

– Всегда. Ваш секретарь, похоже, знает мою биографию почти наизусть. Он мог бы подсказать вам, что я родился и вырос в Баку. На Востоке считается позором получать незаработанные деньги. Тем более от незнакомой женщины. Поэтому я возвращаю вам чек. Так будет правильно. Как мини-

мум по двум причинам.

– По каким?

– Во-вторых, чтобы чувствовать себя независимым. Приняв деньги, я бы не смог потом вам отказать...

– А во-первых?

– Я посмотрел ваши фотографии и увидел красивую женщину. Брать деньги за свидание с такой женщиной было бы верхом безнравственности.

– Это тоже комплимент? – изумленно спросила она.

– Почти, – кивнул Дронго. – Многие люди во всем мире мечтали бы получить ваш автограф, не говоря уже о том, чтобы попасть к вам домой.

– Будем считать, что вы меня убедили. – Она улыбнулась, блеснув безупречными зубами. – И в силу этих двух причин вы отказались от моего чека?

– Именно поэтому.

Кристин снова взглянула на чек. И вдруг рассмеялась.

– Признаться, вы меня приятно удивили, – сказала она. – Не думала, что в наше время остались подобные люди. Будем считать, что этот чек был выдан вам в качестве аванса. Если мы договоримся, я поменяю его на другой с более значительной суммой. И попрошу вас его принять.

– Для этого мы должны договориться, – напомнил Дронго.

– Садитесь. – Она снова уселась на диван.

Он опустился в свое кресло.

– Если вы будете постоянно срываться таким образом, у

нас ничего не получится, – мягко сказал Дронго, – а если я соглашусь быть вашим экспертом, то вы должны будете хотя бы иногда выслушивать меня.

Она посмотрела ему в глаза. Было понятно, что он ей понравился. И она, уже не колеблясь, кивнула.

– Я думаю, что мы будем работать вместе.

– Если мы не будем доверять друг другу с самого начала, у нас ничего не выйдет, – предупредил Дронго. – Вы должны это понимать.

Кристин внимательно смотрела на него, словно решая, можно ли ему доверять.

– Хорошо, – сказала она, – я готова вас слушать. Вы можете принять мое предложение?

Он не ответил. Молчание становилось несколько тягостным. Он молчал довольно долго. Но она терпеливо ждала. Они смотрели друг другу в глаза.

– Да, – сказал наконец Дронго, – я согласен. Но учтите, что у меня будут вопросы.

– Безусловно, – согласилась Кристин.

– А теперь давайте успокоимся и начнем снова, – предложил он. – Вспомним про эти два письма...

## Глава 4

Они беседовали уже второй час. Несколько раз ей принесли кофе, а ему чай. Дронго интересовало все. Кто будет рядом с ней на острове, как охраняется ее вилла, насколько продумана система охраны.

Выяснилось, что, кроме самой Кристин, на вилле будут жить ее муж, ее взрослый сын со своей подругой, ее младшая сестра со своим другом. Еще личный визажист Кристин, ее врач и секретарь Барнард. Вместе с самой Кристин получалось девять человек. Кроме того, на самой вилле жили кухарка и экономка, которые работали на вилле уже семь лет. Три сменявшие друг друга охранника контролировали систему видеонаблюдения, и еще три дежурных телохранителя все время находились у ворот виллы. Таким образом, на вилле было организовано круглосуточное наблюдение и охрана. Съёмки фильма должны были проводиться в семидесяти километрах от ее виллы на специально оборудованной площадке у коралловых рифов. Рядом находилась вертолетная площадка, куда Кристин и ее визажиста должны были доставлять специальным вертолетом, заранее зафрахтованным компанией, снимавшей этот документальный фильм.

Казалось, что все было продумано до мелочей. Но Кристин не могла успокоиться после получения этих двух писем, в которых предупреждали об опасности, ждущей ее на

Барбадосе. Она так переволновалась, что сожгла оба письма, даже не сказав об этом мужу или кому-нибудь из близких. Но решила обезопасить себя, найдя профессионального эксперта по вопросам безопасности. Дронго попросил предоставить в его распоряжение схему внутреннего устройства виллы.

– Вы можете подробно рассказать мне о каждом из тех, кто будет с вами на вилле? – попросил Дронго.

– Разумеется, – кивнула Кристин. – Каждого из них я знаю давно. С кого начнем?

– Наверное, с вашего супруга, – предложил Дронго, – и так по порядку.

– Хорошо, – согласилась она. – Антонио – один из самых известных рестораторов в Италии, ему принадлежат рестораны в Милане, Риме, Флоренции. И еще в Ницце и Женеве. Мы были знакомы давно, но близко сошлись после того, как он решил открыть свой новый ресторан в Лос-Анджелесе. Последние несколько лет он был моим другом, но пожениться мы решили два года назад. У Антонио это второй брак, у меня третий.

– У него есть дети от первого брака?

– Нет. Они с первой его женой прожили вместе восемь лет, но детей у них не было.

– А его супруга? Где сейчас находится она? Иногда подобные письма посылают отвергнутые женщины.

Кристин чуть презрительно усмехнулась и с явным пре-

небрежением сказала:

– Это явно не тот случай, мистер Дронго. Его жена известная топ-модель. Вероника Стефанелли. Он был ее третьим мужем. Сейчас у нее четвертый муж, и, насколько я знаю, она вполне счастлива в браке. И уж точно не испытывает ко мне никаких антипатий, можете в этом не сомневаться. Они разошлись с Антонио еще до того, как мы познакомились.

– В таком случае это версию мы исключим. Кто следующий?

– Моя младшая сестра Агнесса. Прекрасный человек, добрый, отзывчивый, мягкий. Мы с ней очень дружны. Она будет со своим другом. Он – украинский бизнесмен. Юрий Горлач. Неплохо говорит по-английски, знает немного немецкий. Как я понимаю, он знает и русский язык. Мне говорили, что все украинцы понимают русский язык.

– Да, – улыбнулся Дронго, – почти все. А чем он занимается?

– Он бизнесмен. Владелец фирмы по продаже кожи. Довольно успешный, как мне кажется.

– Они давно знакомы?

– Нет. Не так давно. Года полтора или чуть меньше. Но я думаю, что Агнесса достаточно хорошо к нему относится.

– А он?

– И он тоже.

Дронго промолчал. Кристин нахмурилась, но продолжала уже более резким голосом:

– Еще там будет мой сын Юхан и его подруга Алиса. Мне не нравится его выбор, но это его выбор, и поэтому я терпимо отношусь к их отношениям.

– Я могу узнать почему?

– Можете. Мне кажется, что Алиса не подходит для такого человека, как Юхан. Он слишком импульсивный, легко увлекающийся молодой человек. Рядом с ним должна быть уравновешенная и спокойная женщина, которая будет ему помогать идти по жизни. Но она еще хуже, чем он. Можете себе представить, что у нее к двадцати трем годам уже было два неудачных брака и пятилетний ребенок. Я полагаю, что слишком резвый старт ничего хорошего не сулит. Но Юхан, кажется, не согласен с моим мнением. Во всяком случае, он без ума от этой молодой женщины, так мечтающей стать актрисой. К слову, данных у нее нет совсем. Можете мне поверить.

Он подумал, что это типичный случай проявления материнских амбиций. Никто не напоминает самой Кристин, что к моменту выхода замуж в третий раз у нее тоже было два неудачных брака и тоже был сын. Однако Кристин, очевидно, считала свою судьбу настолько отличной от судьбы своей возможной невестки, что не хотела даже думать на эту тему. Любой матери всегда трудно смириться с выбором сына, тем более если он выбирает молодую женщину с нелегкой судьбой. Ей кажется, что он мог бы найти другую, без ребенка, без опыта неудачных браков. Но говорить об этом Кристин

не следовало. К тому же она была известной актрисой, когда выходила замуж, в отличие от Алисы. Но кто помнит саму Кристин в двадцать три года? Об этом она, очевидно, тоже не думала.

– Возможно, у нее все еще впереди, – предположил Дронго, – или вы слишком строго подходите к выбору своего сына.

Она мрачно взглянула на него. Ей не совсем понравился его ответ. Но она уже поняла, что он не всегда будет говорить ей только комплименты.

– Алиса из России, – добавила Кристин. – Ее фамилия Гиндина. Она переехала в Германию в восемнадцатилетнем возрасте. Вернее, туда переехали ее родители. Кажется, из города Саратова. Есть такой город в России?

– Есть.

– Тогда я точно помню. Саратов. И они встречаются с Юханом уже больше шести месяцев.

– Где они познакомились?

– Здесь. В Лос-Анджелесе.

– Три пары, – подвел итог Дронго, – и еще три человека, которые вас обычно сопровождают. Врач, визажист и секретарь.

– Моего секретаря вы уже видели. С ним мы работаем вместе уже много лет. По-моему, больше двадцати. Даниэль все понимает и все замечает. Иногда даже больше, чем нужно. Но он такой и его сложно переделать. Как секретарь, он

незаменим. Во всяком случае, я не помню, чтобы он меня хотя бы один раз подвел.

– Незаменимое качество для секретаря, – согласился Дронго. – Он женат?

– Нет. Он вдовец. Его супруга умерла двадцать три года назад, оставив ему двух – теперь они взрослые женщины – дочерей. До поступления ко мне он работал финансовым советником в «Дженерал моторс». Я честно предупредила его, что не смогу платить ему его прежнюю зарплату, но он согласился. И с тех пор мы работаем вместе.

– Понимаю. Еще визажист.

– Эдуардо Линдси. Прекрасный и очень профессиональный визажист. Работает со мной уже четыре с половиной года. Ему тридцать четыре года, и он очень известный специалист. Я думаю, что мы еще услышим о его успехах. Он работал консультантом сразу на нескольких фильмах Спилберга.

– Он женат?

– Его мало интересуют женщины, – ответила Кристин, – у него другая сексуальная ориентация.

– Понятно. Все как обычно. Голливуд в своем неизменном обличье.

– Вас задевают такие вещи? Или вы гомофоб?

– Ни то и ни другое. Это личное дело каждого – с кем встречаться и кого любить. Просто если мужчина трудится в модельном бизнесе, занимается шоу-бизнесом, стал известным визажистом или парикмахером, то можно почти с уве-

ренностью сказать, что у него могут быть другие влечения, в том числе и сексуальные. Кто еще?

– Мой врач. Арвидас Моргунас...

Дронго несколько удивленно взглянул на свою собеседницу.

– В вашем окружении много людей из бывшего Советского Союза, – заметил он.

– Так получилось, – согласилась Кристин. – Именно поэтому мне нужен был такой специалист, как вы. Знающий менталитет людей и Запада и Востока. Что касается самого Арвидаса, то он живет на Западе уже пятнадцать лет. Он переехал в Канаду еще в девяносто первом. В Монреале жил его дядя, брат его матери. Моргунас уже был практикующим врачом-хирургом, и ему пришлось повторно сдавать экзамены на право работать по специальности. Он работал в Ванкувере и Сиэтле. В девяносто девятом переехал в Лос-Анджелес. Уже два года работает со мной. Он разрабатывает мои диеты, следит за моим весом, самочувствием, настроением. Если хотите, он скорее не врач, а наставник. Скорее психотерапевт, чем обычный лечащий врач.

– Сколько ему лет?

– Пятьдесят два. Или пятьдесят один. Во всяком случае, больше пятидесяти, это я точно помню.

– Он женат?

– Да. Он женился уже после переезда в Монреаль. У него очаровательная супруга – Жаклин Эстли. По матери она

француженка. Они женаты уже много лет, и у них двое детей.

– Девять человек, – задумчиво сказал Дронго, – довольно большая компания для актрисы, которая собирается прилететь на свою виллу, чтобы сняться в обычном документальном фильме. И каждый из них знает, что вы полетите на Барбадос.

– Каждый, – подтвердила Кристин, – но я не собираюсь подозревать никого из них. Это было бы слишком глупо. Меня окружают близкие мне люди, которых я знаю не один год. Сестра, сын, муж, их близкие, врач, секретарь, визажист. Кого из них я могла бы подозревать? Разумеется, никого.

– Когда я смогу получить подробный план вашей виллы?

– Я перешлю вам его сегодня вечером, – сказала Кристин.

– Хорошо. Но мне нужно будет вылететь туда раньше вас, чтобы все проверить непосредственно на месте. Когда вы в последний раз были на своей вилле?

Она вдруг вздрогнула. Было очевидно, что подобный вопрос застал ее врасплох. Она взглянула на Дронго, словно не понимая, о чем он спрашивает.

– Я была там... я была там примерно десять месяцев назад, – не очень решительно выдавила Кристин.

– Одна?

– Вы полагаете, что кто-то из моих близких отправился на Барбадос специально для того, чтобы отправить эти письма и напугать меня? – начиная нервничать, спросила она.

– Я ничего подобного не сказал. Я только уточнил: кто

именно был с вами на Барбадосе? Врач, секретарь, визажист? Вы были с мужем, с сыном, с сестрой?

– Мы были все вместе. В январе этого года. Со мной были все мои близкие, друзья, родные. Мы обычно летаем всей компанией. Моя сестра со своим другом. Врач, секретарь, визажист. Мой сын.

– Вы были вместе с супругом?

– Да, он тоже был с нами.

– А подруга вашего сына?

– Нет, ее не было.

– И вы никого не подозреваете? Может, это просто неудачная шутка? Или кто-то из съемочной группы решил таким эксцентричным образом сорвать подготовку к вашему фильму?

– Съемочная группа прилетит туда только через несколько дней. Со мной все вопросы решает режиссер фильма. Ему семьдесят четыре года. И он явно не похож на шутника. Меня очень беспокоит, что вы пытаетесь свести эти угрозы к обычным шуткам. Это были не обычные шуточные послания, мистер Дронго. Я понимаю шутки и люблю их. Но в этих двух посланиях содержались конкретные угрозы в мой адрес. Очень конкретные. Там была такая фраза: «Если появишься на своей вилле, то обязательно умрешь». Вот так. И поэтому я просила найти такого специалиста, который взялся бы мне помочь.

– Я все понял. – Дронго подумал, что еще не поздно от-

казаться. У этой женщины, несмотря на кажущуюся безмятежность, явно были до предела взвинчены нервы. Впрочем, у творческих людей подобное в порядке вещей.

Он поднялся первым.

– Я надеюсь, что смогу разобраться с этими посланиями и оказаться вам полезным, – сказал Дронго.

Она взглянула на него снизу вверх. Усмехнулась.

– Но вам не очень хочется связываться с такой взбалмошной стервой, как я? – вдруг спросила Кристин.

– Если откровенно...

– Разумеется, откровенно.

– Не хочется, – ответил Дронго. – За время нашего разговора вы уже дважды срывались. Или трижды? По-моему, это много.

– Тогда почему вы соглашаетесь?

– Вы мне нравитесь, – честно признался Дронго. – Именно такой я и представлял себе известную актрису. Немного сумасшедшей, немного неуравновешенной и очень стильной.

Она закусила губу, чтобы не рассмеяться. Но фыркнула. И поднялась, глядя ему в глаза.

– Это тоже комплимент? – спросила она.

– Нет. Это правда.

– И вы не возьмете аванс?

– Не возьму, если вы не пообещаете меня слушать. Иначе я ничего не смогу сделать.

– Договорились. Но у меня могут быть свои женские сла-

бости. Иногда я буду срываться, а вы будете меня прощать. Хотя бы один раз в день.

В ее глазах плясали сумасшедшие чертики. В этом возрасте женщины бывают максимально раскованны и свободны.

– Хорошо, – согласился Дронго.

– Берите чек, – прошептала она, чуть наклоняясь к нему.

– Вы должны мне его дать, – возразил он.

– Вам не говорили, что вы опасный ловелас? – спросила она.

– Говорили. И не один раз. Я прилетел сюда через океан только для того, чтобы увидеть, как вы лично скажете мне эти слова.

– Я могу считать, что приобрела еще одного поклонника моего творчества?

– Нет. Скорее поклонника вашего сумасшедшего характера.

– Вам не кажется, что я могу обидеться?

– Нет. Я зарезервировал за собой право на одно хамство в течение одного дня. Это мои маленькие мужские слабости.

Они, улыбаясь, неуловимо наклонялись друг к другу. Расстояние было уже минимальным, когда она вздохнула.

– В другое время и при других обстоятельствах я была бы рада встретить похожего на вас мужчину. Вам нравится играть в супермена, в этакое Джеймса Бонда.

– У меня не получится, – возразил Дронго. – Если бы он

был на моем месте, этот разговор продолжался бы уже в вашей спальне.

Она отвела глаза. Взяла чек и протянула его Дронго.

– Вечером я пришлю вам схему моей виллы, – сказала Кристин. – Надеюсь, вы понимаете, что я совсем не хочу, чтобы вы демонстрировали свою брутальность в присутствии моих близких. Только деловые отношения, мистер Дронго. И ничего более...

– Надеюсь, что вы передумаете. – Он забрал чек и, повернувшись, пошел к выходу.

Таким наглым он никогда не был. Но это была часть игры, которую она ему навязала. Он не мог знать, что, когда он вышел из дома, сверху спустился Даниэль Барнард. Он встал рядом с актрисой, которая все еще смотрела вслед их гостю.

– Он нам подходит? – осторожно уточнил Барнард.

– Возможно, – ответила Кристин, – но я полагала, что он будет немного другим. Совсем не таким.

– Мы можем его поменять, – сказал Барнард.

– Нет. Уже поздно. И ничего менять не нужно. Распорядись, чтобы нам срочно прислали план нашей виллы. И проследи, чтобы его переслали в этот отель «Кал Мар». Почему я никогда о нем не слышала? Хороший отель?

– Обычный семейный отель. Есть номера с одной спальней, есть с двумя. И еще при каждом номере кухня. Вы никогда не жили в таких номерах.

– Они плохие или дешевые? Мне нужно знать, чтобы со-

ставить мнение об этом человеке.

– Нет. Они не дешевые. Но есть люди, которые не любят современные отели с их безликим стилем. Подобные отели с почти домашней обстановкой им нравятся больше. Он полетит с нами?

– Возможно. В нем слишком сильное мужское начало. Возможно, это даже хорошо...

Кристин повернулась и пошла в свою комнату. Барнард проводил ее долгим взглядом. Затем неслышно вздохнул и достал свой мобильный телефон.

## Глава 5

Дронго вернулся в свой отель на том самом лимузине, который доставил его к дому актрисы. Теперь следовало составить общее мнение о той задаче, которую ему поручили. Если исходить из предположения Кристин, что это не может быть чьей-то злой шуткой, то можно сделать вывод о целенаправленном акте устрашения, ведь актриса получила сразу два письма подряд. Нужно проверить охранников и весь обслуживающий персонал на вилле, чтобы исключить возможность шантажа с их стороны. Но это подозреваемые второго ряда. В конце концов, Кристин ничто не мешает просто продать свою виллу и больше никогда не появляться на Барбадосе. Но никто в здравом уме не продает свою виллу после получения двух писем с угрозами.

И любой из охранников на вилле должен понимать, что его могут легко и быстро вычислить, если он окажется причастен к подобной акции. Не говоря уже о том, что он вылетит с хорошо оплачиваемой работы и потом не сможет нигде устроиться. Остаются подозреваемые первого ряда. Это как раз те люди, что окружают Кристин. Те, кто постоянно находится рядом с ней, знает ее слабости, заранее просчитывает, как она себя поведет. Кому выгодно, чтобы она погибла? В первую очередь сыну или мужу, которые могут получить наследство в сотни миллионов долларов. Нужно будет изу-

читать брачный контракт Кристин Линдегрэн с ее супругом. И попросить ознакомить его с ее завещанием. Кто еще? Сестра. И ее украинский друг. Интересная комбинация. Подруга сына Кристин тоже из бывшего Советского Союза. Похоже, они «семейно» испытывают симпатии ко всем выходцам из бывшей империи. Самой Кристин нравится ее врач из Литвы, сестре – друг с Украины, а сыну – девушка из Саратова.

Если Кристин подозревает кого-то из своего окружения, то тогда понятно, почему она выбрала именно Дронго, полагая, что он сумеет лучше разобраться в этих непростых симпатиях и отношениях с выходцами из независимых теперь стран – республик бывшего Союза. Но тогда получается, что она должна подозревать именно этих троих. Про своего врача она говорила с большой симпатией. Про своего секретаря и визажиста тоже. Из всех людей, которые будут с ней на острове, хуже всех она относится к своей потенциальной невестке. Но это как раз понятно. Матерям всегда кажется, что их сыновья могли бы выбрать себе лучших подруг, чем те, которые находятся рядом с их мальчиками. Сказывается женская ревность, помноженная на материнскую любовь. В любом случае нужно будет приглядеться к Алисе Гиндиной. Похоже, что Кристин не стала бы так просто высказывать свое неудовольствие, если бы не имела на это достаточно веских причин. Нужно будет тактично выяснить эти причины.

Он взглянул на часы. Уже пятый час. Надо выйти и по-

обедать где-нибудь рядом, на побережье. Продолжая вспоминать разговор с Кристин, он оделся. Привычно убрал бумажник с кредитными карточками и паспорт в чемодан, закрывая его на кодовый замок. В Америке вообще не рекомендовалось ходить с документами и кредитными карточками, а в Лос-Анджелесе это было тем более опасно.

Он отсчитал двести долларов и рассовал их по карманам пиджака. Дронго еще помнил те времена в Америке, когда пятьдесят долларов считались огромной суммой, на которую можно было пообедать вдвоем в приличном ресторане. И даже заказать бутылку вина. Увы, те времена давно прошли, а доллар рухнул по отношению к европейской валюте почти на пятьдесят процентов.

Дронго вышел из отеля, обратив внимание, что на месте портье сидел другой мужчина. На этот раз никаких машин рядом с отелем не было, и Дронго перешел улицу, чтобы пройти к набережной. Почти тут же рядом мягко притормозил автомобиль. Это был белый «Линкольн», за рулем которого сидел импозантный зрелый мужчина. У него было красноватое загорелое лицо с правильными чертами, выцветшие брови, почти не тронутые сединой волнистые каштановые волосы. Впечатление портили только немного выпученные серые глаза. Он был в легких светло-серых брюках и синей рубашке в крупную клетку. Дронго хотел обойти автомобиль, чтобы двинуться дальше, но незнакомец замахал руками и громко крикнул ему по-русски.

– Мистер Дронго? Это вы? Я специально приехал сюда, чтобы встретиться и переговорить с вами.

Его акцент выдавал в нем прибалта. Дронго заинтересованно остановился. Взглянул на машину и на неизвестного мужчину. Если этот человек знает, где живет Дронго, и говорит по-русски, если он специально приехал сюда, чтобы переговорить, то тогда ошибиться невозможно.

– Вы доктор Моргунас? – утвердительно спросил Дронго.

– Да, – удивился врач. – А как вы меня узнали? Вам показывали мои фотографии?

– Нет. Просто сумел вас вычислить. Кристин сказала, что вам лет пятьдесят. По-русски вы должны говорить с акцентом, все-таки покинули Литву еще в девяносто первом, когда разваливался Союз. О том, что я живу в «Кал Маре», знает не так много людей. Вы могли узнать об этом либо у Кристин, либо у ее секретаря мистера Барнарда. И еще вам сказали, что я понимаю по-русски, иначе вы бы заговорили на английском. Вам было бы так даже удобнее, ведь вы живете в Канаде и Америке уже почти пятнадцать лет.

– Здорово, – восхищенно сказал Моргунас, – вы прямо как Шерлок Холмс. Я бы не поверил, но вы так логично и убедительно рассказали.

– Будем считать, что демонстрация фокусов закончилась, – серьезно отрезал Дронго. – Что вам угодно?

– Я должен с вами поговорить. – Моргунас посмотрел на пустую улицу. В этом городе почти никто не ходит пешком.

Даже безработные и бомжи имеют вполне пристойные автомобили. – Может, вы сядете в мою машину, – предложил он.

– Тогда поедем к набережной, – предложил Дронго, – там и поговорим.

Моргунас согласно кивнул, и вскоре они выехали на набережную, откуда открывался удивительный вид на Тихий океан. Машина остановилась.

– Мне будет трудно говорить по-русски, – сказал Моргунас, – можно я перейду на английский? Мне так гораздо удобнее. Вы ведь наверняка говорите по-английски?

– Можете говорить по-английски, – кивнул Дронго, – но сначала скажите, кто сообщил вам о моем месте проживания?

– Это так принципиально?

– Для меня да. Иначе наш разговор не состоится.

– Я был сегодня у Кристин. Она сообщила мне, что прилетел эксперт, который будет с нами на Барбадосе. Он из Москвы и поселился в отеле «Кал Мар». Поэтому я сразу приехал сюда. Когда вы вышли из отеля, я понял, что это вы. Кристин сказала, что вы очень высокий, у вас широкие плечи и вы похожи на отставного полицейского.

– Выходит, что и вы немного Шерлок Холмс?

– Нет. Но я врач, а врачи должны быть наблюдательными.

– Зачем вы хотели меня видеть?

– Я хочу поговорить с вами о Кристин. Дело в том, что вы обязаны отговорить ее от этой поездки на Барбадос. Я

полагаю, что ей не надо туда ехать. Но она меня не слушает. Возможно, если вы решите отказаться, она тоже не захочет туда лететь и сниматься в этом никому не нужном фильме о защите живой природы.

– Почему она не должна туда лететь?

– Дело в том... – Моргунас замялся. Было очевидно, что ему непросто говорить об этом. – Дело в том, что ей вообще не нужно туда летать. Этот фильм – просто очередная попытка наших «зеленых» привлечь к себе внимание. Я удивляюсь, что в мире есть еще люди, которые считают, что нужно оберегать природу от человека. По большому счету уже давно пора защищать самого человека от других людей. Мы самый вымирающий вид на этой планете. Нас давно нужно занести в Красную книгу.

– Интересное наблюдение, – тактично согласился Дронго, – но при чем тут наша совместная поездка на Барбадос?

Моргунас оглянулся, словно их могли подслушать. Затем негромко сказал:

– Как лечащий врач Кристин, я считаю нежелательной ее поездку на Барбадос. Вам этого достаточно?

– Нет. Вы должны объяснить мне, почему вы так не хотите, чтобы она туда отправлялась. Только более вразумительно и не скрываясь за туманными формулировками.

– Какие к черту формулировки, – негромко выругался Моргунас. По-английски это прозвучало даже более неприлично. – Дело в том, что она больна. Вы можете это осознать?

Она тяжело больна, и ей нужно срочно лечь в больницу на тщательное обследование. А вместо этого она решает лететь на Барбадос, чтобы сниматься в этом бессмысленном документальном фильме.

– Чем она больна?

– Это не имеет значения. Я вам все равно не расскажу всех подробностей. Не имею права. Есть такое понятие, как врачебная тайна. Но вы можете мне поверить, что она не должна лететь на этот остров. Сейчас подобная поездка выглядит крайне нецелесообразной.

– Вы говорили ей об этом?

– Конечно. Но она не хочет меня слушать.

– Значит, вы не смогли ее убедить. Почему вы считаете, что можно убедить меня? Ведь я прилетел сюда по вызову самой миссис Линдегрэн.

– Вы разумный человек, мистер Дронго, иначе не были бы таким известным экспертом. И вы умеете просчитывать варианты. Говорят, что эксперты должны обладать математическим умом, чтобы уметь вычислять преступников. Вы обязаны меня понять и отказаться от этой поездки. Ей сейчас просто нельзя туда лететь.

– Почему?

– Черт бы вас побрал, – нервно сказал Моргунас, – она больна. Я же вам сказал, что она тяжело больна. И ей осталось совсем немного. Неужели и эти мои слова вас не убеждают?

Дронго видел в этой жизни многое. Но, услышав это известие, он содрогнулся. Молодая и красивая женщина, с которой он разговаривал несколько часов назад, была обречена. Если врач не лжет. Но зачем ему врать?

– У вас есть какие-нибудь объективные данные? Результаты анализов? Вы ее тщательно обследовали? – спросил Дронго.

– Есть. Конечно, есть. Мы дважды ее обследовали. И она все знает. Но старается об этом не думать. В отличие от советской медицины здесь ничего не скрывают. Просто не имеют права. Здесь все сразу говорят пациенту. Поймите, что у нас нет времени. Совсем нет. Еще несколько недель, и начнутся необратимые процессы, когда ничто не сможет ей помочь. Никакие операции.

– Почему она отказывается ложиться в больницу? Американки обычно весьма трепетно относятся к своему здоровью. И весьма рационально.

– Может, потому, что она не совсем американка. Мне кажется, что я лучше других понимаю ее. Все-таки мы из северных народов. Она – настоящий потомок викингов. Встречает свою судьбу с открытыми глазами и ничего не боится. Такой у нее характер.

– Кто-нибудь еще знает об этом?

– Возможно, только ее секретарь – Даниэль Барнард. И больше никто. Она не говорит о своей болезни даже близким людям – мужу, сестре, сыну.

– Что вы мне советуете?

– Позвоните и откажитесь от этой поездки. Она не должна лететь на остров. Тропический климат может пагубно сказаться на ее здоровье, спровоцировать неожиданные приступы, ускорить течение болезни...

– Я не могу, – подумав, ответил Дронго. – Если она хочет лететь на Барбадос, почему я должен ей отказать? И тем более не помогать?

– Она не должна туда лететь, – решительно повторил врач, – я постараюсь убедить ее в этом.

– Это ваше право. Только один вопрос. Это вы посылали ей письма с угрозами, чтобы она не летела на остров?

– Нет. Конечно, нет. Это же глупо. Такие письма только раззадорят ее. Она никогда не отступает от задуманного. И ей нельзя угрожать, просто бесполезно.

– Зная ее характер, вы советуете мне отказаться. Я должен привести ей веские причины своего отказа. И дело здесь не в гонораре, который она собирается мне заплатить. Она не успеет найти за оставшиеся несколько дней серьезного специалиста. И если на Барбадосе с ней что-то произойдет, себе я не прощу этого никогда в жизни. Поэтому я не могу отказаться. А может быть, она считает, что этот фильм важен как ее последнее послание человечеству. Подумайте над этим.

Моргунас долго молчал. Затем взглянул на Дронго:

– Возможно, вы правы. Не знаю. Я попытаюсь еще раз поговорить с ней. Только давайте договоримся, что о нашем

разговоре вы никому не расскажете. И тем более ей. Ни при каких обстоятельствах.

– Само собой.

– Спасибо. Куда вас подвезти?

– Не нужно. Я сойду прямо здесь. – Дронго вышел из машины.

Моргунас еще долго сидел не двигаясь. Наконец автомобиль отъехал. Дронго вошел в небольшой итальянский ресторан, который находился в конце улицы. Уже когда он заканчивал обедать, ему позвонили. Звонил Барнард. Он сообщил, что подробный план виллы перешлют в отель к вечеру. Дронго поблагодарил секретаря. В отель он вернулся часам к семи вечера. Осенью ночь наступала незаметно, внезапно все окутывая тьмой. Дронго взял у портье ключ. Тот показал ему на сидевшую в холле женщину.

– Она ждет вас уже минут тридцать.

Дронго взглянул на незнакомку. Она была в сером брючном костюме. Женщина подняла голову. Не может быть. Зачем Кристин приехала к нему в отель?

Нет, это была не Кристин. Эта была женщина, очень похожая на нее. Только с более светлыми волосами и глазами цвета синих васильков. У нее были такие же резкие черты лица, такие же немного раскосые глаза. Но... Если у старшей сестры недостатки превращались в достоинства, то у младшей недостатки лишь подчеркивали асимметричность лица, резкие складки морщин, слишком широко расставленные глаза.

Он подошел к ней, уже понимая, кто стоит перед ним. Но сейчас ему не хотелось демонстрировать свои возможности. Он молча ждал, когда она представится.

– Добрый вечер, – торопливо сказала она. – Я Агнесса Линдегрэн, младшая сестра Кристин.

– Очень приятно. Меня обычно называют Дронго.

– Я знаю. Извините, что приехала к вам в отель. Я узнала, где вы живете, у Даниэля, простите, у мистера Барнарда.

– Понимаю. Может, мы пройдем в сад и устроимся там на скамье?

– Да, да, конечно. – Агнесса взяла свою сумочку и первой вошла во внутренний дворик. Дронго прошел следом за ней. Он не рискнул предложить ей подняться в свой номер.

Скамейка была влажной, но во внутреннем дворе, где находился бассейн и сад, было довольно тепло. Она достала платок, вытерла скамейку и села. Дронго сел рядом.

– Я хочу попросить вас, – торопливо сказала Агнесса, – вы должны повлиять на мою сестру. Уговорить ее не лететь на Барбадос. Вы должны ей сказать, что это очень опасно и вы не сможете ее защитить.

Дронго решил, что ослышался. Когда Моргунас говорил ему о болезни Кристин, это было понятно. Хотя совсем не обязательно верить врачу. Но когда младшая сестра говорит, что Кристин не надо лететь на Барбадос, это уже настоящая головоломка.

– Почему? Почему я должен ей врать? – удивленно спро-

сил он.

– Это не ложь, – возразила Агнесса, – будет только лучше, если она откажется от этой поездки. Я считаю, так будет правильно. Она сейчас в таком состоянии... Вы просто обязаны на нее повлиять... – Она достала платок и вытерла глаза. Неужели она знает о болезни старшей сестры? Тогда выходит, что Моргунас уже успел обо всем проинформировать Агнессу? Или нет?

– Я не совсем понимаю причины вашего беспокойства, – признался Дронго. – Может, вы попытаетесь хотя бы объяснить мне, что, по-вашему, может угрожать ей на острове?

– Она сейчас в таком положении, – снова всхлипнула Агнесса. Похоже, она знала о болезни старшей сестры.

– В каком? – не унимался Дронго.

– После смерти моей дочери она сама не в себе, – сказала Агнесса, – она считает себя виноватой в этой трагедии. Понимаете, она винит только себя. И я боюсь, что в таком состоянии ей лучше не лететь на Барбадос и не сниматься в этом фильме.

Дронго подумал, что с каждым мгновением узнает что-то новое. О болезни своей сестры Агнесса не знала. Но она открыла ему другую, не менее страшную тайну.

– Когда умерла ваша дочь? – участливо спросил Дронго.

– Три месяца назад, – выдохнула Агнесса, – ей делали аборт. Обычная операция. Открылось кровотечение, плод был неправильно расположен, в общем, ее не смогли спасти.

Не смогли...

– Где это произошло?

– В Нью-Йорке. Этим летом. Кристин очень тяжело переживала смерть Сильвии. Даже тяжелее, чем я. Мы с сыном пытались ее успокоить.

– У вас есть сын?

– Да. Уильям учится в Лондоне. Ему двадцать два года, он заканчивает магистратуру в Оксфорде.

– Значит, вы полагаете, что ей лучше не лететь на Барбадос?

– Конечно, нет. Мы были там все вместе зимой. Еще в начале января. Там слишком много всего, что связано с Сильвией. Кристин всегда была несколько нервным, импульсивным человеком. Она может не выдержать, может сорваться. И поэтому я не позволю ей туда лететь. И вы должны отговорить ее от подобной эксцентричной поездки.

– Боюсь, что у меня ничего не получится. Вы должны лучше меня знать свою старшую сестру. Если ей начинают возражать, она упрямится и все равно поступает так, как считает нужным.

– Да, это верно, – вздохнула Агнесса. – Может, мне самой туда не лететь? Как вы считаете?

– Это ваше право. Я думаю, что Кристин полетит и никто не сможет ее остановить. Это вы посылали ей письма, предупреждая об опасности, ждущей ее на острове?

– Письма? Какие письма? Ничего я ей не посылала. Я ду-

мала, что сумею убедить вас отговорить ее от этой поездки. Но похоже, что моя старшая сестра сумела убедить вас помочь ей.

– Я всего лишь эксперт во вопросам преступности.

– Знаю. Именно поэтому я и опасаясь. Зачем вас сюда пригласили?

– Об этом вам лучше спросить вашу сестру. Ей угрожают, и она опасается не только за свою жизнь, но и за жизнь своих близких.

– Для этого есть полиция, – нервно заметила Агнесса, – и не нужно меня убеждать, что вы ничего не понимаете. Наверное, она боится, только не писем, которых не было, а чего-то иного. Смерть Сильвии так на нее подействовала.

– Я вас понимаю.

– Нет, – возразила Агнесса, – вы ничего не понимаете. Если бы понимали, то, возможно, отказались бы и от этой работы, и от этой поездки. Может, я заплачу вам ваш гонорар, чтобы вы убрались отсюда? Сколько она вам пообещала? Двадцать? Пятьдесят? Семьдесят? Сто? Сколько вы хотите, чтобы уехать отсюда? – Она готова была разрыдаться.

– Зачем вы меня оскорбляете? – негромко спросил Дронго.

Она поднялась и, не давая ему опомниться, быстро зашагала к выходу. Он растерянно смотрел ей вслед, продолжая сидеть на скамейке. Похоже, что здесь слишком много «скелетов в шкафу». Через некоторое время он тяжело поднялся.

Уже двое из близких Кристин людей просили его не пускать ее на Барбадос.

«Надеюсь, что на сегодня все визиты закончились», – подумал Дронго, даже не подозревая, насколько он ошибается.

На часах было около десяти, когда раздался телефонный звонок. Дронго мрачно взглянул на аппарат. Третьего визитера он явно не выдержит. Может сорваться и наговорить все, что он думает об этой компании и их поездке на этот остров. Телефон продолжал настойчиво звонить. Никто не знает его номера, кроме людей из окружения Кристин Ландегрен. Кажется, за один день он узнал о ее жизни больше, чем можно было узнать за целый год. Он наконец снял трубку.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.